

В начале 70-х гг. его внимание привлекли идеи «государственного социализма», получившие хождение в университетских кругах Германии, и он спешил поделиться своим открытием с Тургеневым: «Старые знаменитости экономические, профессора, толковавшие всю жизнь о Смите и проч. – признают необходимость вмешательства в обуздание капитала и в регламентацию работы, отказываясь от всех прежних догматов. Школа молодых профессоров, ими созданная, прямо говорит, что во многих случаях и Маркс, и Лассаль совершенно правы. Кто знает? Может быть, новый Бисмарк овладеет этим движением и пересоздаст экономическое положение Европы, без содействия славянофилов» (I, 201–202). Анненков, таким образом, начал размышлять над проблемой социализации либеральной доктрины. «Вестник Европы» будет активно обсуждать ее только в 80-е гг.

Анненков не склонен был преувеличивать успехи европеизации России под влиянием начавшихся преобразований. «Только странная это Европа, которая Россией зовется», – грустно замечал он в одном из писем 1874 г. (I, 233). Однако впечатления от пореформенных российских реалий все-таки менялись. Заряд исторического оптимизма он получил, посетив Всероссийскую промышленно-художественную выставку, которая открылась в Москве 20 мая 1882 г. «Из нее оказывается, – передавал он свои впечатления Тургеневу, – что вся промышленная и купеческая Россия все это время только и делала, что следила за Европой и рвалась поравняться с ней» (II, 154).

Что же дал наш анализ писем Анненкова к Тургеневу?

Друг и активнейший информатор Тургенева о том, что происходило в России, представлял собой яркую индивидуальность, для которой свобода идейного и эстетического самоопределения значили много, если не сказать – все. Но присущие мыслительно-поведенческому стилю Анненкова несвязанность «партийными» инте-

ресами, парадоксальность суждений, отстраненность от объекта оценки, постоянно сквозящая ирония, присутствие художественного момента в оценках окружавшей российской и европейской действительности имеют вполне определенное идеологическое измерение. Он нигде не выходит за пределы либерального дискурса. Анненков не был генератором идей, которые обогатили бы теоретический и политический арсенал русского либерализма, однако ему удавалось тончайшим образом улавливать и транслировать эти идеи, считая их своими. Ему было видно все несовершенство воплощения либеральных принципов в правительственной политике и общественной жизни, однако он достаточно органично существовал в обновлявшейся на его глазах ткани русской жизни.

Анненков принял реформы 1860–1870-х гг., пришел к пониманию того, что правовой порядок в России невозможен без ограничения самодержавия. Как и редакция «Вестника Европы», он представлял тот тип либерального мышления, который уже не был связан со своей первоначальной социальной основой – дворянством. Имелись и признаки того, Анненков проявлял интерес к возможностям социализации либерализма. Западничество не мешало ему критически оценивать достижения европейской цивилизации.

Напомним, наконец, что в одном из писем 1881 г. Анненков назвал себя «старым либеральным пьяницей». Шутливость этой автохарактеристики не отменяет ее безошибочности.

Примечания

- ¹ *Анненков П.В.* Письма к И.С.Тургеневу. Кн. 1 (1852–1874); Кн. 2 (1875–1883). СПб.: Наука, 2005. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте.
- ² *Мостовская Н.Н.* История одной дружбы. Переписка П.В.Анненкова с И.С.Тургеневым // Там же. Кн. 1. С. 290.

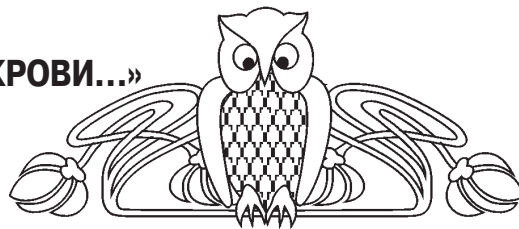
УДК 9(470–89)+929[Александр II + Александр III]

«НА НОВОМ ГОСУДАРЕ НЕ ДОЛЖНО БЫТЬ КРОВИ...» (отклик К. Д. Кавелина на события 1 марта 1881 года)

О.В. Кочукова

Саратовский государственный университет,
кафедра истории России
E-mail: KochukovaOV@mail.ru

В сообщении рассматривается отклик К.Д. Кавелина на события 1 марта 1881 г., не получивший известности в исторической литературе. Показаны предыстория появления «Заметок при воцарении Александра III», отношение Кавелина к деятельности М.Т. Лорис-Меликова и к движению революционного народничества.

**There Should Be no Blood on the New Sovereign...
(K.D. Kavelin's Reaction to the Events of March 1, 1881)**

O.V. Kochukova

The report focuses on K.D. Kavelin's reaction to the events of March 1, 1881, which is not thoroughly investigated in the historical literature. The report shows the prehistory of Notes at the accession of Alexander III publication, Kavelin's treatment of M.T. Loris-Melikov activities and revolutionary narodnik movement.

В исторической литературе хорошо известны попытки ряда представителей демократической общественности России и Запада спасти от казни «первомартовцев», а страну от реакции и дальнейшего падения морального авторитета власти. Среди них были Лев Толстой, Владимир Соловьев, Виктор Гюго¹. Не получил известности еще один отклик на события 1 марта 1881 г., связанный с именем К. Д. Кавелина.

Под непосредственным впечатлением событий 2 марта 1881 г. Кавелин написал черновой набросок «Заметок при воцарении Александра III», которые должны были служить конспектом для письма к М. Т. Лорис-Меликову. Этот набросок хранится в отделе рукописей Российской государственной библиотеки². В начале 1900-х гг. племянник и первый биограф Кавелина Д. А. Корсаков готовил «Заметки» к публикации. Во вступительном очерке к несостоявшейся публикации Д. А. Корсаков предполагал сообщить следующее: «В мартовской книге журнала «Былое» за 1896 год были помещены сведения об отношении к событиям 1 марта 1881 г. В. С. Соловьева и гр. Л. Н. Толстого. В добавление к этим публикациям помещаем черновой набросок, написанный по тому же поводу К. Д. Кавелиным. Этот набросок, что будет видно из последующего текста, должен был служить конспектом для письма к гр. М. Т. Лорис-Меликову... Набросок К. Д. Кавелина написан 2 марта 1881 г., под жгучим впечатлением злодеяния 1 марта, и, несмотря на свою неполноту, является интересным документом для определения воззрений Кавелина на смертную казнь. Торопливость, с которой Кавелин излагал свои мысли, не дала ему возможности подробнее остановиться на важном вопросе об изменении воззрения русского уголовного законодательства на смертную казнь...»³.

Реакцию Кавелина на события 1 марта 1881 г. определяли два фактора: его отношение к правительственной политике периода «диктатуры сердца» М. Т. Лорис-Меликова и к движению революционного народничества.

К середине 1870-х гг. для Кавелина все более важным становился вопрос о средствах сдерживания бюрократии. Отодвигаемая им в 1860-е гг. на второй план проблема реформирования политического строя обрела актуальное содержание. Конкретную основу для изменений в политическом устройстве он видел в предшествовавшем десятилетнем периоде становления земств⁴. Константин Дмитриевич выступил с рядом политических проектов, в которых основное внимание уделялось проблеме реформирования высшего уровня государственного аппарата. Первый по времени представлен в полемической статье «Чем нам быть?» (1875), его дальнейшее развитие – работа «Политические призраки» (1877), ряд важных посылок сформулирован в «Мыслях о выборном начале» (1876). Политические взгляды Кавелина также нашли отражение в

статьях «Бюрократия и общество» (1881) и «Разговор с социалистом-революционером» (1880). Центральная идея перечисленных проектов и статей наиболее лаконично сформулирована в письме Кавелина к Д. А. Корсакову (1882): «... нам нужна административная реформа, со смешанными учреждениями из выборных и коронных чиновников и с самодержавной властью во главе»⁵. Можно сказать, что целью Кавелина было лишение бюрократии ее независимого положения, подчинение ее постоянному контролю общественного мнения.

Политическую публицистику Кавелина следует рассматривать в связи с общими либеральными настроениями того времени. Кавелин четко сформулировал политическую задачу, стоявшую перед обществом: «Теперь главное и существенное – завоевать для представительства права гражданства в литературе и печати... Время фальшивых умолчаний и фальшивых союзов прошло даже для нас. Пора каждому выступить со своим мнением открыто, прямо и смело»⁶. Идея введения выборного представительства как продолжения на высшем государственном уровне земского самоуправления была естественным выводом из всего предшествующего становления взглядов либерала (в характерном понимании Кавелина, не связывавшего представительство с законодательным ограничением самодержавия). Вместе с тем можно говорить об определенных политических явлениях, которые выступили в роли катализаторов его настроений. Это влияние политической борьбы народников и своеобразное воздействие на общественную мысль русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Конец 1870-х гг. был для Кавелина временем возрождения его общественной активности и либеральной оппозиционности, но контакт с властью в тот период состояться не мог. Только период «диктатуры сердца» М. Т. Лорис-Меликова ознаменовался возрождением надежд на продолжение реформаторского курса, на возможность действительного союза правительства и либеральной интеллигенции.

19 февраля 1880 г. Кавелин обратился к Лорис-Меликову с письмом-призывом к реформам. Он рассуждал о бесполезности применения исключительно «полицейских мер». «Надо вернуть обществу веру в правительство, – писал Кавелин, – в его мудрость, его добросовестность, умелость, в прочность и непоколебимость суда и закона»⁷. На первый план Кавелиным выдвигалась проблема отношения самодержавия к либералам. Она была несколько завуалированно представлена в виде рассуждения на тему «люди и государственное устройство». Очевидно, имея в виду и свой личный опыт, Кавелин писал Лорис-Меликову: «Каждый раз, когда вырабатывалась какая-нибудь действительно полезная мера, исполнение ее отдавалось в руки злейших ее противников и врагов. Лица, выказавшие талант, знание, характер,

при выработке или проведении этих мер, были систематически удаляемы, держались в черном теле ...»⁸.

Увидев главную причину неудачного реформирования страны в характере и способах действий администрации, представителей власти, Кавелин предложил способ выхода из создавшейся ситуации. По его мнению, нужно было, чтобы «земская деятельность, наряду с государственной службой, стала бы школой практической политической опытности и мудрости, естественным рассадником государственных людей». Чтобы это осуществить в реальности, Кавелин предлагал Лорис-Меликову, во-первых, признать свободу мнений и печати и, во-вторых, ввести в государственное управление принцип выборного представительства. Последнее сводилось к идее о равном присутствии в законодательных органах чиновников и «представителей местных и общественных интересов»⁹.

Об отношении М. Т. Лорис-Меликова к Кавелину может свидетельствовать запись в дневнике Д. А. Милютинина от 11 октября 1880 г.: «Опять имел продолжительную беседу с гр. Лорис-Меликовым, который снова советовался со мной о разных имеющихся в виду перемещениях на высшие должности... В попечители университетов московского и петербургского имеются в виду – Петр Фед. Самарин и К. Дм. Кавелин. Особенно удивляет меня назначение последнего. Кавелина я знаю, но никак не могу себе представить его в должности администратора»¹⁰.

Не только это предполагавшееся назначение говорит о контактах Кавелина с Лорис-Меликовым. В. Е. Кельнер установил, что начало издания М. М. Стасюлевичем либеральной газеты «Порядок» было связано с именем Лорис-Меликова. Подаче прошения о разрешении издания предшествовали встречи Стасюлевича с новым начальником Главного управления по делам печати Н. С. Абазой, которые проходили сначала в доме у Кавелина¹¹.

Короткий период «диктатуры сердца» Лорис-Меликова значил для Кавелина очень много, как, впрочем, и для всех либерально настроенных деятелей. Константин Дмитриевич вновь поверил в возможность сотрудничества с властью и, что было для него более важным, в возможность реализации той перспективы реформ в России, которую он предусматривал в своих публицистических произведениях. Продолжение либеральных реформ, а не их свертывание или консервативная эволюция – вот что было главной целью Кавелина.

Естественно, что трагедия 1 марта 1881 г. стала тяжелым ударом для Кавелина. Его личное ощущение этого времени вернее всего охарактеризовать как состояние потрясения и чувство неопределенности. 24 апреля 1881 г. он высказал это в письме к сестре Софье Дмитриевне Корсаковой: «... с марта никому не писал – так был

поражен и потрясен событиями. Положение, очень запутанное и прежде, еще более с тех пор запуталось и как, когда распутается – никто не в состоянии предсказать»¹².

Что же касается отношений Кавелина с радикально-демократическим спектром общественного движения, то нужно отметить изменение его позиции по сравнению с 1850-ми годами. Теперь он принципиально дистанцировался от революционного направления. Но отношение Кавелина к революционным народникам было специфически либеральным. Так, например, в 1871 г. «Вестник Европы» получил первое предостережение за статью К. К. Арсеньева «Политический процесс» (о «Нечаевском процессе»). Цензор выделил в этой статье мысль автора о том, что «только процессами, без мер, направленных на устранение причин, побудивших эти действия, правительство не остановит полицейское движение». Кавелин был вполне солидарен с Арсеньевым. Он писал в те дни М. М. Стасюлевичу: «Что касается до предостережения, то мне думается, что оно только увеличит число ваших подписчиков»¹³.

Кавелин считал нужным использовать угрозу радикального движения с целью оказать давление на правительство и заставить его принять курс либеральных реформ. Но из этого нельзя сделать вывод о том, что он считал революционное народничество общественно необходимым явлением. Скорее он был принципиальным противником революций и склонен был даже игнорировать прогрессивное значение революций в Англии, Франции, США. («Революции всегда задерживают прогресс. Вызывая реакции, они могут сокрушить даже самый организм или надолго сделать его больным и немощным»¹⁴.) Социалистическая народническая доктрина представлялась Кавелину односторонней, поскольку она переоценивала возможность правильного общественного устройства изменить нравственную природу отдельных людей и не учитывала роли частной собственности и индивидуальной предпринимательской деятельности.

Но вместе с тем Кавелин находил в учении народников отдельные положительные моменты. В 1850-е гг. на становление социально-экономических воззрений Кавелина определенное влияние оказали идеи и представления А.И. Герцена о русском крестьянстве, общине, историческом предназначении России. В 1870-е гг. Константин Дмитриевич горячо защищал представление о России как «мужицком царстве», забота об интересах крестьян не могла не импонировать ему. Позже, в середине 1880-х гг. Кавелин сформулировал свое кредо в отношении будущего России, итог многолетних размышлений: «Я вижу впереди мою родину необозримым морем оседлого, свободного, трудящегося, благоустроенного крестьянства, с сильно центральной властью, обставленной высшей интеллигенцией, постоянно вырабатывае-

мой страной, но не составляющей ни юридически, ни экономически привилегии какого бы ни было класса, сословия или общественной группы»¹⁵.

Кроме того, Кавелин полагал необходимым осуществить поворот энергии народнической молодежи в мирное русло, считал желательным позитивное использование молодой народнической интеллигенции («... пора перестать бояться соприкосновения нарождающихся молодых сил с крестьянским населением»¹⁶). В связи с этим нужно отметить тот факт, что Кавелин печатался в «Неделе» (и опубликовал в ней очерк «Белинский и последующее движение нашей критики»). Газета «Неделя» стала, с приходом к ее руководству П. А. Гайдебурова в середине 1870-х гг., органом «либерального народничества». Ее главной установкой стало требование перехода к «положительным идеалам», к «культурнической» деятельности интеллигенции в деревне («теория малых дел»). Кавелин это приветствовал. Он писал А. Н. Пыпину в 1881 г.: «Культурная молодежь начинает понемногу тянуться в деревню и там работать в хорошем смысле»¹⁷. Последнее могло, с его точки зрения, содействовать решению в России сразу трех важнейших общественных задач. Россия не теряла бы свои лучшие молодые силы в трагической политической борьбе, в народную среду вносилось бы просвещение, а государственная служба стала бы пополняться «свежими элементами – теоретически знающими и практически закаленными»¹⁸.

Отношение Кавелина к радикально-демократическим силам общественного движения, несмотря на отказ от консолидации с ними, все-таки продолжало оставаться гораздо более благоклонным, чем к реакционно-консервативному течению. Свою роль здесь сыграли и личные связи Кавелина, его знакомства, а также воспоминания о времени теплых отношений с Герценом, Чернышевским и даже с некоторыми деятелями польского освободительного движения. Вычеркивать это из своей памяти Кавелин не желал и не считал возможным. Так, уже в середине 1870-х гг. он приложил много усилий к тому, чтобы добиться смягчения участи И. П. Огризко, отбывавшего наказание каторжными работами на Нерчинских рудниках, а затем переведенного в разряд «сосланных на жительство». Константин Дмитриевич обратился с письмом-просьбой к имп. Марии Александровне, добиваясь смягчения участи «одной из многочисленных жертв польских патриотических течений». В письме была фраза: «У Огризко нет ... близких родных. За него некому просить. Я принадлежу к числу очень немногих когда-то связанных с ним горячей дружбой, дружбой, которой не могли изгладить ни разные пути жизни, ни долгие годы разлуки. Осмеливаясь взывать к милостивому ходатайству Вашего Величества, я следую неотразимому голосу совести, внушению сердца и нравственного долга»¹⁹. В 1880 г. Кавелин ходатайствовал об

И. П. Огризко перед М. С. Кохановым (к тому моменту внимание к вопросу проявил М. Т. Лорис-Меликов)²⁰.

В революционно-народнических кругах проявляли определенное внимание к творчеству Кавелина. Так, О. В. Аптекман вспоминал о том, что философско-этические статьи либерала, публиковавшиеся в «Вестнике Европы», читались с большим интересом и были предметом дискуссий.²¹ «Идеалистические» статьи Кавелина, по словам Аптекмана, вызывали возражения, его общественные взгляды связывались с позициями журнала «Вестник Европы» – «проводника идей западноевропейского либерализма»²².

Политическая публицистика Кавелина, бесспорно, привлекала к себе внимание со стороны власти. Либерал в середине 1870-х гг. вновь оказался в числе «политически неблагонадежных лиц». Сохранилась секретная «Агентурная записка о служащем Департамента неокладных сборов Кавелине К. Д.». Она была составлена 27 июля 1876 г.²³ Характерно, что в записке первостепенное значение уделялось даже не тому факту, что Кавелин помещал в газетах и журналах статьи, «рассматривающие общественную жизнь и правительственные отношения в духе, враждебном правительству», а его связям с деятелями радикально-демократического движения. В агентурной записке подчеркивалось: «Кавелин состоит сотрудником «Вестника Европы», в котором благодаря стараниям его еще недавно принимал столь деятельное участие эмигрант Утин, с которым Кавелин был весьма близок. Затем, при прежнем издателе журнала «Неделя», Кавелин ввел в число сотрудников этого журнала эмигранта Лаврова...»²⁴.

Все это объясняет обостренную реакцию Кавелина на события марта 1881 г. и его искреннее желание спасти «первомартовцев» от казни.

Сам внешний вид «Заметок при воцарении Александра III», а также и стиль заметок свидетельствуют о чрезвычайном волнении Кавелина в момент их написания. Целью записки было убедить нового императора отказаться от смертной казни «первомартовцев». Кавелин писал: «Кто бы ни были вчерашние отвратительные убийцы и сколько бы у них не было соучастников, убедите нового государя не утверждать приговора суда о казни их смертью. Пусть их постигнет самая жестокая кара, но не смерть. С новым царствованием эра смертных казней должна прекратиться. На новом Государе не должно быть крови (подчеркнуто Кавелиным. – О. К.) и пусть никогда не будет! Смертная казнь не только бесполезна, и никогда не устрашает, но она положительно вредна, она озлобляет злых, и вызывает к ним снисхождение, примиряет с ними жестокостью безвозвратной кары. Смертная казнь не наказание, а месть»²⁵.

Отклик Кавелина на события 1 марта появился раньше известного письма Л. Н. Толстого Александру III (последнее датируется 8–15 марта).

Соотнести рассуждения двух очень непохожих, но одинаково искренне и глубоко переживавших события мыслителей достаточно интересно. Письма Кавелина и Толстого сближают общий эмоциональный подъем и призыв отказаться от смертной казни, страстное желание силой слова и убеждения свернуть историю с кровавого пути (Толстой писал Александру III в этом смысле почти то же, что и Кавелин: «На руках Ваших нет крови... Вы чисты и невинны перед собой и перед Богом. Но Вы стоите на распутье»²⁶).

Но очень многое разделяло позиции либерала-публициста и писателя-религиозного мыслителя. Разным был уже сам способ аргументации: Толстой на первое место выдвигал ссылки на Евангелие («Кто бы мы ни были, цари или пастухи, мы люди, просвещенные учением Христа»²⁷); Кавелин избрал юридические доказательства своей правоты (основное внимание он уделит изложению истории русского уголовного законодательства о смертной казни²⁸).

Принципиально разными были представления о способах выхода из сложившейся ситуации. Толстой предлагал «христианское прощение» в качестве «третьего средства», отвергая «либеральные потачки» (или «искусное направление вредных элементов») так же, как и «путь подавления»²⁹. Напротив, «Заметки» Кавелина должны были быть вторым письмом к М. Т. Лорис-Меликову, и потому их целью было сохранить либерально-реформаторский курс, основные черты которого Константин Дмитриевич уже обрисовал в письме от 19 февраля 1880 г.

1 марта 1881 г. обнаружило перед Кавелиным совершенно другую перспективу, чем ту, которую он рисовал в публицистических и научных трудах. Это была перспектива реакционного поворота и беспрестанной войны на взаимоистребление революционеров и власти. «Заметки» Кавелина были «криком души» человека, считавшего не только своим долгом, но, пожалуй, и делом жизни, противостоять такому развитию событий.

Примечание

- ¹ Подробно об этом см.: *Троицкий Н.А.* Царизм под судом прогрессивной общественности. М., 1979. С. 134–136, 256–257.
- ² *Кавелин К.Д.* Заметки при воцарении имп. Алексан-

- дра III, 1881 марта 2 // ОР РГБ. Ф. 548. Карт. 3. Д. 14.
- ³ Там же. Л. 5-5 об.
- ⁴ *Кавелин К.Д.* Собр. соч.: В 4 т. СПб., 1898. Т. II. С. 515–516, 522–523.
- ⁵ *Корсаков Д.А.* Материалы для биографии К.Д. Кавелина // Вестник Европы. 1888. №5. С. 36.
- ⁶ Цит. по: *Кельнер В.Е.* Человек своего времени (М. М. Стасюлевич: издательское дело и либеральная оппозиция). СПб., 1993. С. 166.
- ⁷ Письмо К.Д. Кавелина к гр. М.Т. Лорис-Меликову, 1880 г. // Русская мысль. 1906. №5. С. 35.
- ⁸ Там же. С. 34.
- ⁹ Там же. С. 36.
- ¹⁰ *Милютин Д.А.* Дневник. Т. 3. М., 1950. С. 277–278.
- ¹¹ *Кельнер В.Е.* Указ соч. С. 182–188.
- ¹² *Корсаков Д.А.* Указ. соч. С. 27.
- ¹³ *Кельнер В.Е.* Указ. соч. С. 75; М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке: В 12 т. СПб., 1912. Т. 2. С. 121.
- ¹⁴ *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М., 1989. С. 429.
- ¹⁵ *Кавелин К.Д.* Собр. соч. Т. II. С. 898.
- ¹⁶ Там же. С. 527.
- ¹⁷ Цит. по: *Харламов В.И.* Публицисты «Недели» и формирование либерально-народнической идеологии в 70–80-х гг. XIX в. // Революционеры и либералы России. М., 1990. С. 165–166.
- ¹⁸ *Кавелин К.Д.* Собр. соч. Т. II. С. 529–530.
- ¹⁹ Письмо К.Д. Кавелина к имп. Марии Александровне // ОР РГБ. Ф. 548. Карт. 4. Д. 15. Л. 2.
- ²⁰ Письмо К.Д. Кавелина к М.С. Коханову, 1880 г. // ОР РГБ. Ф. 548. Карт. 4. Д. 11. Л. 1-1 об.
- ²¹ *Аптекман О.В.* Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям. Пг., 1924. С. 78–79.
- ²² Там же. С. 33.
- ²³ Агентурная записка о служащем Департамента неокладных сборов Кавелине К. Д. // ГАРФ. Ф. 109. (Секретный архив). Оп. 1. Д. 1754. Л. 1–2.
- ²⁴ Там же. Л. 1 об.
- ²⁵ *Кавелин К. Д.* Заметки при воцарении имп. Александра III, 1881 марта 2. Л. 1.
- ²⁶ *Толстой Л. Н.* Собр. соч.: В 22 т. М., 1984. Т. 18. С. 885.
- ²⁷ Там же. С. 881.
- ²⁸ *Кавелин К.Д.* Заметки при воцарении Александра III... Л. 2–3.
- ²⁹ *Толстой Л.Н.* Собр. соч. Т. 18. С. 884.